

Интернет-журнал «Общество, государство, право» ISSN 2309-4265 <http://gosuprav.ru/>

Выпуск 4 - 2014 <http://gosuprav.ru/issue-4-14-2014.html>

URL статьи: <http://gosuprav.ru/PDF/09OGP414.pdf>

УДК 355

Земцов Виктор Сергеевич

Россия, Москва

Военный эксперт клуба военачальников Российской Федерации

E-mail: vlad45@mail.ru

«Роль армии во внутри-политической ситуации в России в годы первой Мировой войны (1916 – 1917 гг.)»

Аннотация: В статье сделан акцент на решающую роль армии в свержении царизма тем, что она не выступила в защиту режима и практически передала своего Верховного главнокомандующего в руки политических сил в лице блока политических партий и Временного правительства. Выявлены проблемы забвения Временным правительством морально-психологического состояния армии и флота, принятия неоднозначных действий «демократического» характера и особенно в отношении офицеров и генералов, предопределили стремительное разложение армии. Рассматривается политика Временного правительства по продолжению войны до победного конца, превращению армии в площадку состязания политических партий, что привело, в конечном счете, к окончательному размежеванию армейской массы и действующему в угоду зарубежным интересам правящему режиму Керенского.

Ключевые слова: Усталость армии от войны и ее разложение; отречение царя; политизация армии; Временное правительство и демократизация армии, свержение Временного правительства.

Социальные потрясения в России начала XX века, итогом которых явилось рухнувшее самодержавие, в решающей степени зависели от исходов двух разрушительных войн, в которые она вступила, следуя своим имперским устремлениям и отчасти сомнительным экономическим и международным обязательствам своим кредиторам и союзникам. Если первая война лишь обозначила наличие и расстановку политических сил, то вторая привела их в действие.

В ходе столетия памятных событий раздаются голоса о «чудовищном» по своей сути Версальском договоре (Л.Млечин), который якобы привел Германию в последующем ко Второй мировой войне, академик Ю.Пивоваров к, примеру, заявляет о том, Россия была способна в военно-техническом плане продолжать войну, среди многих авторов бытует устойчивое мнение об упущенной выгоде для России оказаться в числе стран победителей и, конечно, нередко мы слышим, что во всем были виновны большевики.

Тем не менее, американский дипломат Г.Киссинджер однозначно утверждает, что для любого миропорядка необходимо, прежде всего, желание его участников, что касается мнения уважаемого академика, то, как известно, военно-технический фактор может воевать только во взаимодействии с военным и моральным факторами. По-поводу роли большевиков вполне убедительно заметил небезызвестный врангелевец генерал Я.Слащев в 1921 году. В своей книге «Требую суда общественности и гласности» он писал, что нам приходилось слышать, что фронт разложили большевики и не будь их, мы не дожили бы до позорного Брестского мира. Я отнюдь не стану говорить, что партия большевиков не стремилась ликвидировать старую армию, но эта гибель была предрешена только потому, что старая армия сама умирала.

Надежды на короткую и победоносную войну в России испарились в 1915 году, когда она с ее начала потеряла убитыми 312 тыс. человек, пленными 1 млн.548 тыс. и в этом же году стало катастрофически не хватать боеприпасов, вооружения, снаряжения и продовольствия. К концу 1916 года, по утверждениям политических деятелей и военных ученых, страна исчерпала свой ресурс. В армии началось открытое неисполнение боевых приказов идти в бой. (12 армия, 2 и 6, Сибирские корпуса и др.). Стали массовыми с 1916 года отказы солдат стрелять в неприятеля, устанавливались стихийные перемирия, а следующим шагом стало братание, что выражало общее стремление армии к миру.

В годы войны стало оформляться интернациональное антивоенное движение партий против империалистической войны. Состоявшиеся в Швейцарии в 1915 году в Циммервальде и в 1916 году там же в Кантале мирные конференции социал-демократических партий Германии, Англии, Швеции, Норвегии, Польши, Румынии, России выступили против войны. Небезынтересно, что Германия всеми силами стремилась поддерживать антивоенные настроения в лагере противника. Еще в феврале 1915 года в западных газетах появился германский план по оказанию всемерного содействия всевозможным социальным течениям, сепаратизму и агитации в пользу разоружения. В марте 1915 года А.Гельфанд «Парвус» представил в Германское правительство меморандум с рекомендациями выделить ассигнования с пользой сепаратистов и националистов в России, РСДРП, русским революционным писателям которые, по его мнению, должны подорвать царизм и содействовать его поражению. У немцев в 1916 году в оперативном штабе генерала Людендорфа было создано особое отделение пропаганды для воздействия на войска и население противника. Не случайно потерпев ряд неудач на Западном фронте Германия, почти израсходовав свои материальные и людские ресурсы, 12 декабря 1916 года предложила созвать мирную конференцию, что было решительно отвергнуто.

С изменением обстановки на фронтах изменились политические взгляды большинства партий и движений внутри страны. В Государственной Думе большинством депутатов был создан «Прогрессивный блок», требовавший создания нового правительства доверия, как переходного на пути к установлению демократической республики законными средствами.

Однако самое негативное влияние оказали на армию и ее командный состав в 1917 году падение авторитета власти и деморализации страны. Наиболее разлагаемыми были Северный фронт ввиду близости Петрограда, Балтийский флот и гарнизон Кронштадта.

Вполне исчерпывающую характеристику всем слоям русской армии конца 1916 года дал батон Врангель. По его оценке, высший командный состав молча взирал на смену министров и непрекращающиеся конфликты между правительством и думой, нетипичными общественными организациями вроде особых совещаний и комиссий, слухи о нравственном облике окружающих государя лиц. Все это не могло не волновать, одни жестоко страдали от ошибок государя, другие, осознавая опасность развала, верили в возможность дворцового переворота, были и сторонники революционных настроений. В Ставке не было единства и твердости, не отрешились и от личных интересов.

Ни две неудачные войны, ни ложная внутренняя политика, ни назначение министрами негодяев вроде Штюрмера, Сухомлинова не могли так подорвать исконное преклонение народа к царю и приверженность его монархическому образу правления как близость Распутина к царской семье и его влияние на дела государства. О необходимости устранить Распутина государю говорили многие, но безуспешно. Убитого Распутина императрице могли заменить другие негодяи, а государь слушался ее во всем. Так, военного министра Шуваева императрица невзлюбила, а попавший в начальники Генерального штаба, Беляев, угодил в министры – с горечью вспоминал бывший военный министр П.Редигер. Кстати, царь отправил его в отставку лишь за то, что, отвечая депутату Думы на вопрос есть ли среди командующих военных округов подготовленные вожди, последовал ответ, что в данное время во главе округов стоят лучшие, а вот вождей армия получит постепенно.

Наконец, более определенно высказался А.Деникин по поводу того, что царь противопоставил Отечеству слухи об измене императрицы и грязной роли Распутина, которые позже сыграли основополагающую роль. Убийство Распутина членами царской семьи – доказательство циркулировавших слухов. Дезорганизация в тылу, недостатки в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная во всех кругах интеллигенция и с другой стороны отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самоничтожество выдвигаемых лиц на государственные посты – все это глубоко поникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к власти. Мистический ореол царской власти был разрушен.

Таким образом, в 1917 год Россия вступила с армией нежелающей воевать и неверием ее командного и рядового состава Верховной власти, за которую ее призывали умирать.

По утверждению генерала А.Спиридовича, начальника охраны, царя в начале 1917 года подробно информировали о надвигающихся событиях и у него побывали высшие военные, глава Думы М.Родзянко настаивал на смене правительства и замене его правительством народного доверия.

Вполне ожидаемыми оказались в столице волнения, начавшиеся 18 февраля с забастовками практически на всех предприятиях, связанных с нехваткой хлеба, увольнениями, недовольством продолжающейся войной. Хлебные карточки в Петрограде были введены по приказу командующего Петроградским военным округом С.Хабалова, который в попытке исправить положение просил министра внутренних дел Протопопова выпустить воззвание к населению о том, что на складах запасы муки в количестве 500 тысяч пудов есть и, конечно же, не Хабалов спровоцировал хлебный бунт.

После участия в совместных с полицейскими заставах против демонстрантов войска с 25 февраля отказались выступать против народа. Генерал Хабалов доложил об анархии и беспорядках в столице, неповиновении гвардии и казаков, беспорядках в запасных батальонах.

Родзянко в телеграмме в Ставку заявил о параличе правительственной власти и разрухе в стране и предложил права составить правительство народного доверия. Однако, Николай 11, убывший из столицы 22 февраля и оставивший председателю правительства проект Указа о приостановке деятельности Госсовета и Думы с отсрочкой даты, по-видимому, не представлял всей опасности положения и по-прежнему был глух ко всем и вся. Не спасло положение назначение генерала Н.Иванова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с предоставлением ему чрезвычайных полномочий даже в отношении министров правительства. Приказом в его распоряжение с действующих армий фронтов формировался специальный корпус из верных власти частей. Но в Петроград ни Иванову, ни его корпусу прибыть было не суждено. Он смог прорваться через пикет на станции Дно с батальоном георгиевских кавалеров и там ожидал команды от царя, которой так и не последовало.

27 февраля произошел государственный переворот образованной Думой Временным комитетом во главе с председателем Думой Родзянко, который взял власть и телеграфировал об этом во все города. В этот же день было решено избрать Петроградский совет рабочих депутатов, в который вошли представители от меньшинства Госдумы в противовес Временному комитету, большинство которого составляли представители Прогрессивного блока. В спешке «забытые солдаты», представители которых обеспечили мирный захват власти и охраняли Таврический дворец, 28 февраля вечером на заседание Петросовета потребовали, чтобы они вошли в состав организации, где-то написано, что это было приветствие пленарному заседанию. В названии Петросовета появились и солдатские депутаты (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов). Большевики по началу не хотели входить в Петросовет, но затем все-таки Залусский и Шляпников были избраны в состав временного исполкома Совета.

В ночь с 27 на 28 февраля царь выехал из Могилева в столицу, но затем на станции Дно его охрана, не рискнувшая опрокинуть немногочисленный пикет во главе с комиссаром Временного комитета Бубликовым, порекомендовала государю повернуть на Псков, где располагался штаб главкома Северо-Западным фронтом генерала Рузского. Именно в Пскове решилась судьба императора.

Приняв доклад от Рузского государь поручил ему вести переговоры с Петроградом ночью и принял его и начальника штаба Данилова (для большего доверия, как вспоминал Рузский) только утром. Именно в ночь пришло сообщение от Родзянко о взбунтовавшемся Петрограде, ненависти к династии, дошедшей до крайних пределов, и невозможности царя прибыть в столицу. Все сложилось к отречению монарха в пользу сына, а прибытие генерала Иванова приведет к сражению между фронтовиками и восставшим гарнизоном.

Рузский в беседе с журналистом В.Самойловым вспоминал, что хотел сам немедленно проинформировать царя об этом, но его не впустили в вагон монарха и тогда он принял решение передать разговор генералу Алексееву, начальнику штаба Ставки в Могилеве.

Генерал Алексеев, получив известие от Рузского, проинформировал главнокомандующих фронтами об обстановке в столице и запросил их мнение по поводу возможного отречения царя от престола. Царь выслушал доклад, а позже пришло сообщение, что все главкомы были согласны с отречением царя, кроме командующего Черноморским флотом вице-адмиралом Колчака и командующего русскими войсками в Румынии от которого сообщения не пришло.

В 15 часов царь согласился на отречение и заявил, что акт был им подписан в пользу сына. Рузский подчеркивал, что царь был спокоен и взирал на все вполне равнодушно, а по прибытию комиссаров Временного комитета Гучкова и Шульгина подписал текст нового отречения в пользу брата Михаила Александровича ввиду тяжелой болезни сына. Таким образом в течении 2-го марта царь последовательно подписал манифест в пользу правительства

народного доверия, отречение в пользу сына, а затем в пользу брата в обстановке полной безопасности и вне какого-либо давления на него. Вечером комиссары убыли в Петроград, а поезд бывшего монарха в Могилев, куда он прибыл 4 марта.

Бытуют мнения, что на царя каким-то образом повлиял начальник штаба Ставки Алексеев, находящийся в сотнях километров от него. Генерал в 22.30 1-го марта направил в Псков телеграмму 1865, в которой извещал, что Родзянко не может остановить волнения в Петрограде и умоляет соизволить царя немедленно опубликовать манифест об образовании правительства народного доверия и поручить это Родзянко. Позже Алексееву будут ставить в вину слово «умоляю», как факт давления на царя, впрочем как и запрос предварительного мнения главнокомандующих об отречении монарха от престола.

Уже упоминавшийся современник произошедшего переворота генерал Редигер, считал, что во всех происшедших бедствиях виновен Временный комитет Думы и лично Родзянко, так как именно они стали во главе революционного движения, а затем отошли в сторону и именно поэтому начальник штаба генерал Алексеев и главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский не поддержали царя, так как видели во главе движения избранников народа и то, что это движение отвечает воле народа и поэтому царь так легко уступил. Но это лишь частное мнение, но факт налицо, что высший командный состав армии и флота не поддержал своего Верховного главнокомандующего, а полки и дивизии начали безропотно присягать новому Главковеху князю Николаю Николаевичу, которого царь назначил вместо себя и вместо которого сам возглавил войска в 1915 году. Михаил Александрович, уступив натиску представителей Думы, отрекся в пользу вновь избранного Учредительного собрания.

Почти в то же время, когда поезд государя искал свой путь на Петроград, произошло событие, на первый взгляд для многих не очень знаковое, но по своему воздействию на армейские и флотские массы оно явилось бурным и разрушительным потоком пьянящей гражданской вольницы, сметающей на своем пути все вехи армейского единения и уклада военной жизни. Причем, произошло все это настолько быстро неожиданно для всех, что сделать хоть что-либо или исправить оказалось невозможным. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял и издал приказ н. 1, который многими описывается в литературе неоднозначно, а кое-кем представляется случайным недоразумением.

Как свидетельствовал позднее полковник Б.А.Энгельгарт, бывший депутатом Думы, председателем военной комиссии Временного комитета, комендантом Таврического дворца следователю Н.Д.Соколову к нему обратились несколько военных и гражданских лиц с просьбой оказать помощь в разработке в разработке то-ли приказа, то-ли некоего другого документа, отражающего характер происшедших демократических преобразований и свобод, которые вовсю овладели солдатскими массами в городе. Энгельгарт отказался, сославшись, что он возглавляет военную комиссию всего день и что помимо него есть общественная военная комиссия Госдумы во главе с А.Гучковым и с назначением того комиссаром в военное министерство, следует обратиться именно к нему. Остальные члены комиссии офицеры Потапов, Пальгинский, Козловский также отказались, как и сам Гучков, занимающийся неотложным делом, чтобы предупредить о прибытии в город войск с фронта.

Тогда авторство перешло к сугубо гражданскому человеку, близкому знакомому Керенского адвокату Соколову, члену исполкома Петросвета. Работа над текстом продолжалась до глубокой ночи и готовый текст был срочно по распоряжению генерала Верховского отпечатан в количестве 9 млн. экземпляров и шифром направлен в войска, хотя он предназначался для войск Петроградского гарнизона, но кому это было интересным. Солдат и матросов пьянили фразы о полных политических и гражданских свободах, отмене превосходств и благородий и не отдавании воинской чести, всевластии солдатских комитетов и конечно же гражданских правах.

Князь Львов вспоминал, когда Соколов пришел 2 марта во Временный комитет с текстом опубликованного приказ Петросовета, то все назвали приказ невозможным и определили его как измену Родине. Керенский быстро увел Соколова, чтобы оградить от горячих обвинений. Кстати сам Соколов лично ощутил вкус солдатской вольницы, когда при выезде на фронт начал призывать солдат к исполнению воинского долга, был ими избит и, как утверждал А.Блок, долго носил повязку на голове.

Работа над приказом положила начало недомолвкам между Временным комитетом и Петросоветом, на что об убийти комиссаров в Псков также не был извещен Петросовет. С образованием Временного правительства вместо Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим был назначен генерал Алексеев. Положение офицеров вслед за приказом № 1 стало невыносимым, ввиду хамского отношения к ним солдат и матросов. Именно на них выливались волны ненависти за продолжающуюся войну и лишения. Позорную страницу беспредела открыл Балтийский флот, отметившийся расправой над губернатором и главным военным командиром Кронштадта вице-адмиралом Виреном, а затем были убиты начальник бригад линейных кораблей контр-адмирал Небольсин, Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин, командир линкора капитан первого ранга Повалишин, командир крейсера «Аврора» Никольский и к 15 марта расправились над 140 офицерами при общих потреях в войну в 245 офицеров. Затем эти позорные явления перекинулись и на Сухопутные войска, где офицеров подвергали избиениям за попытки восстановить порядок в частях или вывести их на боевые позиции.

Керенский, вспоминая о сотнях заключенных в тюрьмы офицерах, писал что исполком Петросовета, в котором он заседал как заместитель и член Временного правительства, осудил расправы над офицерами и гордился тем, что лично освободил из тюрьмы Кронштадта 10 из 19 офицеров. Но двуличный революционер не сказал о мерах принятых к насильникам и каким партиям они принадлежали. Временное правительство занялось чисткой командного состава, несмотря на возражения генерала Алексеева, который просил оградить армию и флот от самозванных команд с мандатами Временного правительства и Петросовета, вносящих смуту в солдатские ряды, подвергающих аресту офицеров и оскорбляющих георгиевских кавалеров. Алексеев сообщал, что пункт 7 приказа, касающийся взаимоотношений между офицерами и солдатами, как и все его пункты принесли заразу разложения армии, а избрание командиров комитетами играет на руку врагу.

Алексеев, убедившись, что Временное правительство не имеет реальной силы, предложил вводить в солдатские комитеты офицеров и 30 марта 1917года ввел временное положение об этом, а 17 марта инициировал проведение съезда Союза офицеров, где в ряде выступлений прозвучали идеи о сепаратном мире с противником и Алексеев не возражал в отношении этой, как казалось многим офицерам утопической идеи. Съезд отметил упадок воинского духа, падение дисциплины, коллективное обсуждение приказов и бесчисленные случаи братания. Недовольство генерала Алексеева было услышано и 21 мая он был заменен легендарным генералом А.Брусилковым, а ранее военный министр Гучков добровольно подал в отставку, передав свой пост амбициозному А.Керенскому.

В многочисленных докладах из поездок на фронт звучала тревога за положение в армии. Все устали воевать, укоренилось неправильное понимание мира без аннексий и контрбучий, кругом отказ от всякой наступательной войны и недоверие к власти, недоброжелательное отношение к офицерскому составу – писали в докладе депутаты Думы Масленников и Шмаков в конце апреля. Новый Главком Брусиллов, как заметили его современники инициировал принятие «декларации прав солдата», как прямое отражение приказа № 1 и забившая по выражению Алексеева последний гвоздь в гроб русской армии. По его же инициативе началось формирование из добровольцев ударных батальонов на всех фронтах в июне – июле 1917 года.

В Петрограде был создан центральный комитет по формированию добровольческой армии. Добровольческим батальонам полагалось иметь красно-черные знамена и на рукавах красно-черные шевроны.

Как и предупреждал генерал Алексеев никакой пользы добровольческие батальоны не принесли, их формированием занялись всевозможные центры и другие самочинные организации с требованиями средств, привилегий и особого к ним отношения, а главное как выразился Алексеев, их прежде всего надо было спаять и обучить. С мест начали поступать просьбы о запрещении формирования женских батальонов, которые разлагали армию и кроме вреда никакой пользы не приносили. Были оставлены два батальона, в Петрограде и Москве.

К июню на всех фронтах в действующей армии и в тылу была сформирована система ротных, батальонных, полковых, дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых комитетов во главе с Общеармейским комитетом. Они самостоятельно проводили свои собрания и съезды, избирали комиссии, бюро и исполкомы. Большинство командующих и командиров были просто не в состоянии что-либо возразить по этому поводу и даже поддерживали участие в них офицерского состава в основном младших чинов. Армейские комитеты, на словах признавая преданность Временному правительству, доведение войны до победного конца и дисциплины, основное время уделяли вопросам своих прав как свободных граждан России, демократии во взаимоотношениях с офицерами, добровольного отдания воинской чести, обращения вне строя на общеупотребительном гражданском языке, обсуждению враждебных приказов, нормирования занятий и пребывания на позициях.

Для укрепления боевого духа, восстановления дисциплины и с целью вернуть доверие к власти 6 марта 1917 года Временное правительство и Петросовет приняли решение о направлении в армию своих комиссаров. Поначалу комиссарские мандаты выдавались представителям всех партий от крайне левых до правых и всем желающим порадеть за армию. Никто не утруждался проводить какую-либо проверку, инструктаж, давать конкретное задание.

В июне Керенский своим приказом подчинил военных комиссаров при фронтах, армиях и корпусах военному министерству. Мандат на комиссарство получил от Петросовета будущий атаман Забайкальского казачьего войска Г.Семенов, прибывший из Персии с фронта за разрешением сформировать в Забайкалье добровольческие национальные формирования. Прошение на имя Керенского он составлял вместе со своим другом бароном Унгерном.

Основными задачами комиссаров являлись – надзор за законностью и укрепление революционного порядка, информирование Временного правительства и вышестоящих комиссаров о положении в своих объединениях и соединениях, проведение карательных акций против бунтовщиков, организация и проведение военно-полевых судов, приговоры которых утверждались комиссарверхом, пресекать деятельность агитаторов по развалу армии и в первую очередь большевистских. В обязанностях оговаривался запрет на вмешательство в оперативную деятельность командующих и командиров, который большинство комиссаров старались не замечать.

В окружение Керенского входил знаменитый террорист левый эсер Б.Савинков, сделавший карьеру на комиссарской ниве и прошедший должности комиссара корпуса, армии и Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Л.Корнилов. Этот дуэт потребовал от Керенского восстановить военно-полевые суды, каторжные работы и смертную казнь. Однако, применение этих крайних мер неизбежно упиралось в противодействие комитетов и оставалось на бумаге.

Именно бессилие и словоблудие армейского комиссара и непринятие мер к солдатам, незаконно арестовавшим офицера, утвердило в мысли покинуть Россию командира 6-го кавалерийского корпуса генерала Маннергейма. «Командир, который не способен защитить

своих офицеров от насилия, должен расстаться с российской армией», писал будущий маршал Финляндии.

С большим опозданием 3 августа 1917 года было создано политическое управление военного министерства и 30 августа подписано положение о военных комиссарах. С нарастанием кризиса в армии комиссары докладывали, что требования большевиков о прекращении войны и мира на любых условиях находили поддержку у большинства солдат. В целом, ввиду отсутствия широкой социальной опоры в армии и на флоте, деятельность военных комиссаров была обречена на провал.

Большинство комиссаров были чужды военной среде и не стремились искать опоры в солдатских комитетах и в работе полагались исключительно на свою способность зажечь митинговой страстью солдатскую массу и многие провоцировали себя на расправу.

Одной из попыток восстановить устойчивость армии стало предложение Генштаба от 25 июня о развитии существующих и создании новых польских частей и доля этих целей вскоре были выделены немалые средства. Был создан Польский корпус и запасная бригада, части обеспечения. Практически на всех фронтах по решениям фронтовых и армейских комитетах началось образование украинских частей с подчинением их помимо фронтового командования Центральной Украинской раде и ее генеральному секретариату. (Центральная рада была создана с одобрения Временного правительства в апреле 1917 года, Генеральный секретариат, совет министров, возглавил В.Винниченко, а С.Петлюра секретариат по военным делам). Несколько позже активизировались и мусульманские комитеты на этом поприще.

Керенский, словно ничего не замечая, метался по фронтам и армиям с бесконечными выступлениями, чтобы поднять боевой дух армии и спасти Россию от позорного мира и бесчестия в глазах союзников. На одном из митингов после пламенной речи один из офицеров подошел к нему и рассказал о творящихся безобразиях на фронте, но Керенский с пафосом ответил – «Мы кучка революционеров бросились на борьбу со старым режимом, так вы идите и умрите!» Офицер постоял в задумчивости и отошел – свидетельствовал генерал Брусилев.

Истинной целью Керенского, помимо восстановления боевого духа войск, было возобновление активных боевых действий, именно по его приказу, а не по инициативе генералов, войска Юго-западного фронта во второй половине июня перешли в наступление, и как ожидалось, потерпели поражение, отступили, потеряв значительную территорию. Тарнопольский разгром и июльские выступления привели к отставкам в правительстве. Вместо князя Львова председателем правительства стал Керенский, Верховным главнокомандующим генерал Л.Корнилов. Позже Керенский в мемуарах хвастливо заявил, что Тарнопольское наступление сорвало победу Германии в войне.

Июльские выступления в Петрограде, направленные против Временного правительства, были заранее проведенной агитацией делегатов 1-го пулеметного полка, контрреволюционными элементами спровоцированы, чтобы преподать урок противникам режима и обвинить в случившемся не только большевиков, но и Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно они подогрели желание прибегнуть к последнему средству – установлению военной диктатуры, тем более личность Керенского как нельзя лучше подходила для роли диктатора. По этому поводу и был разговор с Корниловым, был убежден Брусилев, к которому первому келейно обратились с вопросом о поддержке Керенского, если тот возглавит революцию диктатурой.

Корнилов долго не раздумывал и, как Верховный главнокомандующий, приказал конному корпусу генерала Крымова выдвигаться на Петроград, а в последнюю минуту поспешил объявить себя военным диктатором. Однако выступление было обречено на провал и на ,ставшей исторической станции Дно, Крымов, получив телеграмму об объявлении

Корнилова изменником, заколебался, вступил в переговоры со ставкой и Петроградом, потерял время и в полках началось брожение. После ареста Крымов, выслушав обвинения Керенского, застрелился, оставив записку жене – Я решил умереть, потому что слишком любил Родину ! Корнилов с группой генералов и офицеров, заподозренных в измене, был арестован и отправлен в заштатный городок Быхов.

Это выступление показало слабость и неспособность Временного правительства. Корнилову сочувствовали не только генералы, но многие круги демократической общественности, по мнению которых, Корнилов не покушался на государственный строй, В результате правительство в полном составе было вынуждено уйти и Керенский все-таки добился своей цели и, по мнению эсера В.Чернова, установил свою персональную диктатуру на холостом ходу, так как его обреченность создавала вокруг него полную пустоту.

Керенский, получив кредит от США на 395 млн.долларов гнал армию вперед, но последовали поражения в июле у Молодечно на Западном фронте, в сентябре западнее Двинска, в Рижской и Моонзундской операциях в сентябре-октябре. Последний военный министр Временного правительства генерал А.П.Верховский в докладе Керенскому отметил, что потери России в войне на октябрь 1917 года составили убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 7.917000 человек, а прокормить армию, составляющую 6 млн. человек на фронте и 1,2 млн. в тылу из-за краха экономики невозможно. Количество учтенных дезертиров составило около 2-х млн. человек. При этом, только на Юго-Западном фронте в различных выборных структурах насчитывалось 84.948 человек, а кроме него подобные представители находились еще на четырех фронтах, двух флотах и многочисленных тыловых частях и учреждениях. На комиссии правительства по обороне 22 октября генерал Верховский заявил, что сдерживать 130 дивизий противника возможности больше нет и последует неминуемая анархия и гибель государства и предложил единственно возможный выход, ранее предлагавшийся эсером Милюковым и на съезде офицеров еще в апреле месяце, заключение сепаратного мира.

Армия безучастно отнеслась к судьбе царской семьи, признанной Чрезвычайной комиссией непричастной к измене врагу. Спасение семьи взял на себя спаситель Отечества Керенский, что он тщательно скрывал. Вывести семью в Крым либо в Мурманск он не решился и после того как Франция и Англия отказались принять Николая, принял решение вывезти семью в Тобольск в далекую и холодную Сибирь, куда ссылались преступники. Перед отъездом Керенский переговорил с председателем военной секции Царскосельского Совета прапорщиком Ефимовым, начальником гарнизона Кобылинским и 14 августа состав под японским флагом миссии Красного креста двинулся в последний для семьи бывшего монарха путь. С армейской прямотой высказался генерал Диттерихс, волею судьбы оказавшийся причастным к расследованию гибели царской семьи и ее близкого окружения – в крови царя и царицы и их бедных детей повинна и вся Россия и те народные избранники Государственной Думы, которые приняли на себя смелость и дерзновение руководить переворотом, хотя бы такое руководство признавалось ими вынужденным.

Его мнение разделил английский писатель Роберт Масси и привел высказывание Воейкова – лишив царскую семью свободы, возбудив против царя и царицы следствие по обвинению в государственной измене, члены Временного правительства сами подготовили почву для неслыханного преступления большевиков. Кроме Временного правительства, большая вина лежит на высшем обществе, которое вместо того, чтобы возвысить свой голос к спасению царя и его семьи, поддерживало лживые обвинения против царской четы.

В то время, как большевики готовили восстание, приняв решение о нем еще 4-го октября и создали Военно-революционный комитет, направили более 600 военных Комисаров в полки и на корабли, Керенский на Предпарламенте 24 октября заявил, что состояние в Петрограде определяется попыткой большевиков поднять чернь против существующего порядка вещей,

сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед железным кулаком Вильгельма.

Начальник штаба Ставки в Могилеве генерал Н.Духонин и председатель общеоармейского комитета Перекрестов направили требование в Петросовет немедленного прекращения подготовки большевиками насильственных действий по захвату власти и их безусловному подчинению Временному правительству. Временное правительство продолжало заседать, штаб Петроградского округа разослал телеграммы в военные училища, две школы прапорщиков и женский батальон за неимением поддержки в других частях гарнизона.

Керенский, все-таки, в предчувствии неотвратимой угрозы в ночь на 25 октября вырвался на автомобиле за помощью в штаб Северо-Западного фронта в Псков, однако там командиру 3-го кавалерийского корпуса генералу Краснову удалось собрать всего девять сотен казаков, которые лишь к вечеру 29 октября прибыли в Царское село и на этом свою миссию по защите режима Временного правительства сочли законченной и генералу Краснову ничего не оставалось, как переодеться в солдатскую шинель и убыть со своими казаками на Дон. Командующий фронтом генерал Черемисов отказался поддерживать тех, кто, по его мнению, в течение 8 месяцев правил Россией и травил командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджал хвосты.

Восстание по свидетельству и.о. комиссара при штабе Верховного главнокомандующего подполковника Ковалевского проходило бескровно, лишь изредка нервно постреливали юнкера и затем они, когда несколько десятков большевиков забрались во дворец, забрали оружие и ушли в школы. В 2 часа ночи две сотни повстанцев прошли к кабинету Временного правительства, которое решило оружие караулом не применять, и было объявлено об аресте правительства. Все это вышло просто до изумительного и может быть объяснено лишь невероятной халатностью и полным отсутствием сопротивления – рассказывал генерал Барановский.

Таким образом, армия в силу обстоятельств, связанных с нежеланием продолжать войну, пагубной политикой самодержавия и царским ближайшим окружением, потерей веры значительного числа военного руководства в перемены к улучшению положения в стране фактически поддержала переворот и не препятствовала установлению власти Временного правительства.

Во-вторых, преступная деятельность новой власти и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по подрыву устоев военной организации России, бездумное их увлечение политизацией и демократизацией армии, способствовали утрате морально-психологической стойкости личного состава армии и флота и полному отказу поддерживать усилия Временного правительства на продолжение войны.

В-третьих, с трудом управляемая армия, оказалась не в состоянии продолжать военное сопротивление и, став на платформу большевиков и социал-революционеров, не оказала никакого сопротивления Октябрьскому перевороту и практически полностью вверила свою судьбу новой власти.

В-четвертых, участие армии и флота в политических событиях 1917 года показало, что личный состав способен поддерживать только коренные интересы большинства народа в войне, а офицерский корпус оказался беспомощным перед натиском агитации и пропаганды и не смог влиять на политические настроения подчиненных, что, в конечном счете, привело к крайнему размежеванию с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. – Минск: Харвест, 2003.
2. Врангель П.Н. Записки. ч.1. Кавказская армия. Белое дело. - М.: Голос, 1995.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Белое движение. - М.: Вагриус, 2006.
4. 1917 год. Разложение армии. - М.: Вече, 2010.
5. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. - М.: Терра, 1966.
6. Масси Р. Николай и Александра. - СПб: Амфора, 2012.
7. Миллер В.И. Солдатские комитеты в Русской армии. - М., 1974.
8. Милуков П.Н. История второй русской революции. – Минск: Харвест, 2002.
9. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. –М.: Кучково поле, 1999.
10. Россия в войнах XIX – XX веков. Уроки и выводы. М. Клуб военачальников РФ, 2011.
11. Россия и великие державы от первой до второй мировой войны. - М. ИЦ Москвоведение. - М. 2014.
12. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция 1914 – 1917 г.г. – Минск, Харвест, 2004.
13. Чернов В.М. Перед бурей. - Минск. Харвест, 2004.

Статья рецензирована членами редколлегии журнала.